

СПИСОК ПОЛЬСКИХ студенческих театров пестрит самыми неожиданными названиями: ченстоховский «Сосунок» («Осесек»), гданьский театр-кабаре «Это здесь» («То ту»), глицыцкий театр поэзии «Стоп», театры и театрики, звучно называющиеся «Пиф-Паф», «Цирюльник», — их наберется, пожалуй, целая сотня.

А еще десять лет назад этих театров не было и в помине. Вместо них как культурное развлечение студентов существовали лишь вечера, проводившиеся по случаю той или иной даты и всегда выглядевшие одинаково. Когда это всем уже порядком надоело, в среде студентов стало возникать какое-то поначалу еще очень робкое, но из года в год набиравшее силу движение, породившее в конце концов нечто новое: студенческие театры. Существуют они не так-то давно, но возраст их уже при-

Анджей ДРАВИЧ

Все происходило так, как обычно происходит в подобных случаях: образовалась группа энтузиастов, возникли бурные и нескладные дискуссии, начались многочасовые ночные репетиции, поиски вслепую, попытки сформулировать программу — в широком и узком понимании слова.

Когда же, наконец, 2 мая 1954 года в Доме культуры энергетиков состоялась премьера первого представления СТСа, мы пережили минуты великого страха и великого подъема. (Я пишу «мы», потому что и сам был в числе первых участников этой премьеры). Волнение наше было столь велико, что прошло уже 15 минут после того, как в зале был потушен свет, а мы все еще не могли начать представления: никто не мог вспомнить, что должно быть сначала — гонг, занавес или фортепианная увертюра. Публика, потеряв терпение, начала аплодировать, а мы — сгорать со стыда. Наконец, совсем растерявшийся хор (он все это время находился в темноте, между двумя занавесами) разразился маршем, позаимствованным из репертуара «Мазовше», словами которого и была названа наша первая программа:

«Это идет молодость».

ские коррективы, а главные вдохновители «Бим-бома» — Збигнев Цибульский, Богумил Кобеля, Яцек Федорович и Вово Белицкий — с успехом продолжают свои поиски на сценах профессиональных театров и на киноэкранах.

В тот же период в пролетарском городе Лодзи, где чрезвычайно сильны также и театральные революционные традиции, организовался театр, назвавший себя «Пстронг» («Форель») — коллектив очень динамичный, постоянно ищущий и крепко связанный со своей студенческой средой. «Пстронг» довольно долго, с переменным успехом, но всегда смело шел к тому, чтобы обрести собственное лицо.

говорилось о советском театре, о немецком Агитпроптеатре. Назывались такие имена, как Маяковский, Мейерхольд, Писка-тор, Брехт...

Период стабилизации, наступивший в нашей стране после 1956 года, поставил студенческие театры перед лицом новой ситуации. То, что могло быть открыто, уже было открыто, что должно было быть прямо произнесено, было произнесено. Пришло время подумать о более широкой и конструктивной программе.

Зритель хотел развлечения, веселья, отдыха. Огромной популярностью начала пользоваться варшавская «Стодола», где театр был частью студенческого клуба. В «Стодоле» шли представления менее серьезные, очень молодежные, веселые, смелые в использовании сценических эффектов. Правда, со временем оказалось, что и «Стодола» не чуждается сатиры, но ее сатира была не едкой, а более эффектной, феерической, оперирующей ярким сценическим гротеском.

Собственную формулу веселого сценического развлечения нашел также краковский «Подвал под бараками», неутомимым вдохновителем которого по сей день остается веселый бородач Петр Сквилицкий. Интересен гданьский театр-кабаре «То ту» («Это здесь»), который стал особенно знаменит своим высоким песенным мастерством.

Варшавский СТС порял с аскетичной суровостью формы и, не отказываясь от своего традиционного сатирического обозрения, начал пробовать многое другое. Он поставил, например, коляды, а точнее — пародию на эту рождественскую народную мистерию, насытив ее современным содержанием. Кроме того, СТС осуществлял постановки театральных пьес, устраивал вечера песенок и вечера одноактных пьес. Весьма популярной стала форма двух, поставленных СТСом сценических фактомонтажей. Один из них был основан на подлинных судебных актах об экономических преступлениях, другой — на дневниках расистского убийцы, коменданта концлагеря в Освенциме Рудольфа Гесса.

Лодзинский «Пстронг» также весьма разнообразил формы своего творчества. Например, он осуществил постановку спектакля, основанного на богатом фольклоре лодзинских рабочих предместий, показал песни и сонги Бертольта Брехта, устраивал вечера советской поэзии, а также давал традиционные сатирические обозрения. Там же, в Лодзи, появился еще один очень интересный ансамбль студентов Ме-

дицинской академии, называющийся «Цитрина» («Лимон»). В прошлом году он показал, например, сценический фактомонтаж «Хулиганы», который состоял из ловко смонтированных, коротких, динамичных сценок, скетчей, монологов и песенок, переложенных цитатами из газет, социологических исследований и публицистических статей. Спектакль показывал хулиганов «в действии», но одновременно комментировал их поведение и заставлял говорить о самих себе. Благодаря своей разносторонности программа эта вынуждала зрителя к серьезным размышлениям над социальными корнями зла и над необходимостью — помимо немедленного наказания — создать условия, в которых не могли бы возникнуть явления подобного рода.

Разносторонность и разнообразность студенческих театров позволяют со всем чувством ответственности утверждать, что, хотя в первую очередь они несомненно удовлетворяют нужды своей собственной жизни, они отнюдь не замыкаются в узком кругу проблематики, волнующей только эту среду. Их интересует все, что происходит в стране и в мире.

ОБЩЕСТВЕННАЯ деятельность студенческих театров активно помогает формированию мировоззрения молодых поляков. В принципе театры эти посещаются прежде всего студенческим зрителем. Однако в зрительном зале много и молодой интеллигенции вообще. Неоднократно и с успехом, особенно во время каникул, студенческие коллективы выступали перед рабочими и сельскими зрителями. В местностях, порой очень отдаленных от культурных центров, после посещения их студенческими коллективами нередко начинают возникать собственные любительские коллективы. Это широкое влияние, оказываемое также на среду, где не слишком развит интерес к театру, делает студенческие театры признанным и существенным элементом культурной политики нашего государства.

Студенческое театральное движение многим обязано тактичной и полезной помощи своего покровителя и шефа — Союза польских студентов.

Большую моральную и материальную поддержку ему всегда оказывали также другие организации, в том числе и высшие государственные органы. Свидетельством этого может служить присуждение в 1962 году Варшавскому СТСу Государственной премии III степени — награды, обычно любительским коллективам не присуждаемой.

Группы друзей, охваченные страстью создания театра, сходятся и расходятся. Минуют годы учебы, бывшие студенты разбрегаются в разные уголки Польши. Только незначительный процент любителей навсегда остается в театре, уже профессионально. Огромное же их большинство начинает просто работать по своей профессии.

Но все эти люди успели проглотить бациллу любви к театру. И теперь станут насаждать театральную культуру всюду, куда забросит их судьба, а следовательно, нередко и в глухой провинции, в малых городках, расположенных далеко от культурных центров.

Невиная игра в театр — хорошая школа жизни.

Перевод с польского Э. Шачалова.

Великое Развлечение Театр

ближается к круглым датам: в позапрошлом году первый студенческий театр Варшавского СТС (Студенческий театр сатириков) — известный и советскому зрителю по его выступлениям на Всемирном фестивале молодежи в Москве, отметил десятилетие своего существования. А для любительского коллектива десять лет — цифра немалая.

Как же все это началось? Почва для возникновения Варшавского СТС, — пионера студенческого театрального движения, уже давно была подготовлена, хотя никто и не отдавал себе в этом отчета. А сама идея, как это тоже часто бывает, родилась благодаря случаю.

В марте 1954 года Варшавский сатирический театр взял на себя трудовое обязательство в честь приближавшегося праздника 1 Мая: оказать шефскую помощь какому-нибудь студенческому коллективу, который пожелает заняться сатирой. Известие об этом «подарке» было принято Союзом польских студентов с благодарностью и некоторой тревогой: где взять такой коллектив? Однако вскоре же нашлись люди, которых, как выяснилось, это предложение интересует.

СПУСТЯ несколько месяцев СТС перестал быть единственным детищем студентов. Летом 1955 года мы бешено аплодировали на премьере гданьского «Бим-бома». Я не помню подобного взрыва энтузиазма в театре. Представление называлось «Ага...» — название, не означавшее ничего конкретного, кроме разве призыва шутовливо поразмыслить над жизнью. Участники Московского фестиваля молодежи имели возможность посмотреть это представление. В нем было много лирики, много забавных пародий на укоренившиеся пережитки и нелепые обычаи, была также похвала простым чувствам. Но прежде всего в этом представлении были свежесть, новизна взгляда на все окружающее, бурная радость жизни.

В ансамбль «Бим-бом» входили прежде всего студенты художественных школ и молодые артисты. Отсюда и забота «Бим-бома» об интересной сценической форме, любопытных идеях сценического оформления, выразительность и изящество жеста. Коллектив этот, правда, существовал недолго. Дух «Бим-бома», однако, оказался весьма плодотворным: вскоре на Побережье возникли новые, очень интересные студенче-

На карте студенческого театрального движения он занял центральное место: ему не был чужд интерес к эффектной театральной форме, близкий по духу «Бим-бому», однако в то же время, подобно Варшавскому СТСу, он высоко ценил остроту и убедительность сценического слова, поставленного на службу злободневной теме.

Во Вроцлаве благодаря страсти к театру молодого инженера Богуслава Литвицца, сумевшего сколотить группу таких же, как он, энтузиастов, родился «Калимбур» — театр впечатляющей лирики, метафоры, гротеска, очень интересного поиска нового песенного стиля. Его характер достаточно хорошо определяло название первого представления: «По улицам города ходит моя любовь».

Первые годы существования студенческих театров (1954—1957) были для них периодом бури и натиска. Смелая мысль и смелый жест вспыхивали на сцене ярким пламенем. Чем увлекались? Пробовали гротеск, лаконичность, метафору, пантомиму. Пытались воскресить и по-своему использовать традиции ярмарочного и агитационного театра. Рылись в старых журналах, прислушивались ко всему, что

9 4 МАЯ 1966

Филология и «Искусство», «НЕДЕЛЯ»
г. МОСКВА